

№ 14. Пятница, 17 января 1914 года

Второй годъ изданія.

№ 14. Пятница, 17 января 1914 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА съ доставкой в пересылной городъ и въ многогородномъ подписчикамъ:			
12 мѣсяцевъ	9 р. — к.	6 мѣсяцевъ	5 р. — к.
11 "	8 р. 50 к.	"	4 р. 25 к.
10 "	8 р. — к.	"	3 р. 50 к.
9 "	7 р. 25 к.	"	2 р. 75 к.
8 "	6 р. 50 к.	"	2 р. — к.
7 "	5 р. 75 к.	"	1 р. — к.

32-страницу къ подписной цѣнѣ прибавляется 1 р. въ мѣс.

За перемѣну адреса 25 коп.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: въ 2 срока:—5 р. и къ 1-му июня 4 р.; въ 3 срока:—4 р.; къ 1 мая 3 р., и къ 1-му сентября 2 р.; въ 4 срока:—3 р., къ 1 мая 3 р., и къ 1-му сентября 2 р. и къ 1 декабря 1 р.

ПОДПИСКА принимается только съ 1 числа кажд. мѣс. КОНТОРА помещается въ Ростовъ-на-Дону, по В.-Садовой улицѣ, № 14, домъ Д. Ф. Мыльнича.

КОНТОРА открыта отъ 10 ч. утра до 8 ч. вѣч.

Телефонъ Главной Конторы № 36—73. Въ розничной продажѣ № газеты.—5 коп.

УТРО ЮГА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

РЕДАКЦІЯ находится въ Ростовѣ-на-Дону, Б.-Садовой улицѣ, домъ № 14, Д. Ф. Мыльнича.

Телефонъ редакціи 36-73. Тел. заа. объявленій 37-65.

Редакція для приема объявленій открыта отъ 12 до 3-хъ час. дня.

Непринятые рукописи редакціей не возвращаются.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Впередъ тиража 20 коп. со строки помѣщенія или листа, заглавнаго ея; послѣдн тиража 10 коп. со строки помѣщенія или заглавнаго ея листа.

Въ заглавномъ ея, размѣщеніи стороннихъ сообщеній—въ особую соглашенію съ Главной Конторой.

Объявленія для газеты „Утро Юга“ и въ Донской обл. и Кавказѣ принимаются въ конторѣ „Л. и Э. Метирянъ и К-о“ въ Москвѣ, С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, Лодзи, М. Д. Турбинера, Москвѣ 4-хъ Творческихъ Ямской 29, С. И. Сибиряча, С.-Петербургѣ. Плата 14. по тираж: впередъ тиража по 20 к., а послѣдн тиража 15 коп. за листъ, заглавнаго строки помѣщенія.

Одна двадцатая.

Если-бы онъ вернулся...

«Черезъ двѣсти лѣтъ жизнь станетъ прекрасной».

И вотъ, мы сдѣлали нѣсколько шаговъ на пути къ этому сроку. Десятый годъ начался со дня кончины Чехова.

Одна двадцатая часть.

А жизнь, — стала — ли она лучше хотя-бы на эту микроскопическую, двадцатую часть?

Если-бы онъ вернулся, — прежде всего растерянность отразилась — бы въ его близорукихъ глазахъ. И даже лѣнивая, такая прощательная усмѣшка, которую мы привыкли встрѣчать на его портретахъ, отъ самыхъ студенческихъ, до послѣднихъ, исчезла — бы безъ слѣда.

Какъ быстро мы позабыли, пережили, переросли; какъ быстро мы растоптали Чехова!

Одна двадцатая...

Даже человекъ въ футлярѣ вылезъ изъ своего футляра. По сравнению съ тѣмъ, что сейчасъ творится, даже онъ, человекъ, могъ-бы показаться самымъ типомъ.

Въ этомъ фельетонѣ о Чеховѣ, — я долженъ оговориться заранее, — я не буду упоминать ни о трехъ сестрахъ, ни о Раневской, ни о Шабельскомъ, ни даже о Ивановѣ.

Фельетонъ долженъ быть связанъ съ современностью. А въ „Трехъ сестрахъ“, а въ „Вишневомъ саду“ чувствуется уже

историчность, пережитокъ. Чеховскій театр превратился въ старинный театр. На протяженіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ.

Вернусь къ человѣку въ футлярѣ.

— Бывали-же такіе люди когда-то!

Вы думаете, что эти слова я произношу съ отвращеніемъ? Нисколько. Мною владѣетъ горькая тоска по невозвратномъ, Человѣкъ въ футлярѣ. Онъ служилъ по министерству народнаго просвѣщенія.

Какъ вы думаете отнесся-бы этотъ тихій, скромный и замкнутый человѣкъ къ тому, что сейчасъ творится?

Къ виѣшкельному надзору, къ облавамъ на учащихся, къ самоубійствамъ въ школахъ?

Теперь школой владѣютъ ни съ какой стороны не чеховскіе люди. Не только профессору Серебрякову,—онъ уже два года тому назадъ бросилъ кафедру и теперь лечится въ Давосъ; говорятъ, что надежда почти потеряна,—но и человѣку въ футлярѣ тамъ не мѣсто.

Онъ слишкомъ сѣрый, сумеречный, слишкомъ чеховскій. Въ школѣ распоряжаются дѣльцы, которые хохочутъ, когда задаютъ дѣтямъ истины изъ прописей.

Учителю, не пожелавшему подать руку Шмакову, было предложено уйти въ отставку. Боюсь, что это и былъ человѣкъ въ футлярѣ.

Лопухинъ... Онъ раскололся. Конечно, онъ былъ лѣвымъ октябристомъ. Устраивалъ собранія, агитировалъ, метался.

Рубилъ деревья въ вишневомъ саду. А

теперь и самъ раскололся. На мелкія щепки. Умеръ Лопухинъ.

Десять лѣтъ...

Въ воздухѣ раздался звукъ, точно бадья лопнула.

И чеховскому времени наступилъ конецъ.

Погасли огни,—последнія лампы, въ которыхъ было только на донышкѣ масла.

Ночь. Плотина, и на ней блеститъ разбитая казенная бутылка.

Какъ быстро, какъ ужасающе, какъ отвратительно мы выросли!

Ни малѣйшей нѣжности, ни свѣтлой радости, ни свѣтлой печали не осталось кругомъ. Кто-то окунулъ кисти въ подлую кровельную охру, и прогулялся по чеховской акварели.

Пройдетъ еще десять лѣтъ... нѣтъ, не десять, а два-три года. Еще на шагъ подвинемся къ осуществленію пророческаго, предсказаннаго Чеховымъ срока.

Но черезъ два года ни Лопухина ни человѣка въ футлярѣ на свѣтъ больше уже не будетъ.

Даже для нихъ это время окажется не по зубамъ.

Ничего чеховскаго!

Придутъ настоящіе завоеватели, подлинные гунны, безъ крошки стыда, безъ капли совѣсти.

Люди безъ малѣйшаго намека на футляръ...

Если-бы Чеховъ былъ живъ...

А, впрочемъ, что тамъ толковать! Скажемъ прямо: хорошо ему, что онъ умеръ.

Жахасъ.